

Пока Сун Сюйян исходил от злости, отведенные десять минут истекли.

Памятуя о прошлом опыте, участники шоу решили, что очередность выбора снова будет зависеть от популярности их трансляций. Каждый уже мысленно примерил на себя ту или иную роль, однако режиссер тут же разрушил их ожидания, объявив новые правила: полная свобода выбора.

— Прошу всех прекратить обсуждения, — объявил режиссер. — Запишите на листках номера понравившихся костюмов. Мы соберем ваши ответы и подведем итоги. Если на одну роль окажется несколько претендентов, вас ждет честное соперничество. Проигравший уже не сможет претендовать на персонажей, которых другие участники разобрали в первом туре.

Организаторы шоу явно не упускали случая сравнить участников между собой. Лидеры занервничали, боясь упустить заветные образы, а аутсайдеры со страхом ждали неизбежного соперничества.

Режиссер поспешил успокоить поднявшийся ропот:

— Не нужно жаловаться. Эти правила гарантируют равные условия для всех. У каждого из вас теперь есть шанс получить то, что он хочет.

И это было чистой правдой — некоторые костюмы пользовались бешеной популярностью.

По залу быстро раздали бумагу и ручки. Кто-то уселся на пол, кто-то остался стоять — все торопливо выводили свои имена и номера костюмов, после чего сдавали листки сотрудникам съемочной группы.

Восемнадцать листов обработали в считанные минуты. Вглядевшись в результаты, режиссер удивленно вскинул брови и поднял взгляд на участников:

— Что ж... Признаться, такого я не ожидал.

Первым делом он огласил выбор девушек. Те словно договорились заранее — совпадений почти не оказалось. Лишь две участницы претендовали на военную форму эпохи Китайской Республики. Хореограф проекта спешно разучил с ними нехитрое движение — красивый взмах клинком. Девушки по очереди повторили его, и наставник выбрал ту, чье исполнение оказалось точнее.

В итоге роль досталась Хэ Юэ.

Парни намотали этот метод на ус. Кое-кто уже начал тайком репетировать женственные жесты и походку, готовясь к худшему.

— А вот на этот образ претендуют сразу пять человек, — заинтриговал всех режиссер.

По залу прокатился удивленный гул. Ведущий указал на роскошное пекинское оперное одеяние, которое с самого начала приковывало к себе все взгляды.

Впрочем, сюрпризом это не стало. Сам фильм давно вошел в золотой фонд кинематографа и стал для многих недостижимым идеалом. К тому же все видели, с каким восторгом на этот костюм смотрел Чу Цинюнь, что тоже подтолкнуло некоторых попытать удачу.

— Итак, за этот костюм поборются Чжоу Чи, Цуй Хэ... и Тан Цзинь.

Выслушав весь список, участники недоуменно переглянулись. Кое-кого явно не хватало. Где же Чу Цинюнь?

Все присутствующие дружно обернулись к виновнику всеобщего замешательства. Чу Цинюнь преспокойно стоял поодаль, скрестив руки на груди, и с абсолютно безучастным видом наблюдал за происходящим. Рядом с ним вовсю хихикал Чэнь Сяоди, безуспешно пытаясь скрыть ухмылку ладонью.

«Разве ему не нравилась эта роль? — недоумевали участники. — Он же глаз с нее не сводил с самой первой минуты! Почему тогда не выбрал?»

«И почему Чэнь Сяоди так ухмыляется? Неужели с этим костюмом что-то не так?»

На лицах тех, кто поддался влиянию Чу Цинюня и вписал этот номер, проступила неприкрытая досада.

На самом же деле Чу Цинюнь ни разу не заявлял, что претендует на роль. Просто во время пустой болтовни он краем уха услышал, что Тан Цзинь вырос в семье потомственных актеров пекинской оперы. Понимая, что мелочный Чжоу Чи непременно попытается увести у него из-под носа то, на что он якобы положил глаз, Чу Цинюнь намеренно уделил костюму чуть больше внимания.

Что же касается остальных соперников... Что ж, за их безрассудную смелость можно было только похлопать.

— Я покажу вам базовое движение, — обратилась к вышедшей пятерке наставница. — Сначала стопы внутрь, затем наружу. Чередую эти положения, вам нужно плавно скользить вперед. Это называется «юньбу» — облачный шаг.

И пока Тан Цзинь двигался плавно и уверенно, остальные конкурсанты неуклюже ковыляли, теряя равновесие. Дальше — хуже. Наставница безжалостно продолжила:

— Затем поднимаем руки и застываем в финальной позе-льянсян.

Искусство пекинской оперы оттачивается годами. Участники с изумлением наблюдали за Тан Цзинъи. Обычно тихий и неприметный, сейчас он двигался столь же грациозно, как и преподавательница, выгодно выделяясь на фоне остальных окоченевших соперников.

— Сяо Тан ведь из семьи оперных артистов, — шепотом объяснил кто-то из его бывших товарищей по команде.

Остальные конкурсанты прислушались к разговору. Поняв, что тягаться с профессионалом бессмысленно, они окончательно сникли. Впрочем, грело душу одно: среди них позорился сам Чжоу Чи, признанный фаворит проекта. Если уж звезда первой величины сядет в лужу, то им и подавно стыдиться нечего.

В этот момент до Чжоу Чи наконец дошло: его нагло обвели вокруг пальца.

Пользуясь тем, что камеры находились далеко, он прикрылся плечом соседа и метнул в Чу Цинюня убийственный взгляд.

Чу Цинюнь лишь слегка улыбнулся и беззвучно одними губами произнес:

«Тебя надули».

Чэнь Сяоди легонько дернул друга за рукав, призывая умерить злорадство, хотя сам едва сдерживал смех. Когда Чу Цинюнь подначивал его распустить пару слухов и сгустить краски, Сяоди не понимал замысла. Но теперь все встало на свои места. Благодаря этой нехитрой уловке его короткая юбка и роскошный наряд императрицы, на который нацелился Шао Жань, остались без единого конкурента.

При этом сам Чу Цинюнь формально не произнес ни слова. Пострадавшим оставалось только локти кусать — винить его было не в чем.

Тем временем на площадке началось выступление.

Мастерство Тан Цзинъи не вызывало сомнений. Легкий «облачный шаг», изящный разворот — и парень застыл в безупречной позе, излучая благородство классического образа. Зал взорвался аплодисментами.

Следующие трое конкурсантов, понимая тщетность своих попыток, прошлись кое-как, а один и вовсе едва не растянулся на полу.

Последним выступал Чжоу Чи.

Он вышел с привычной улыбкой, но любой мало-мальски проницательный человек заметил бы, насколько натянутой и деревянной она была.

Шоу с самого старта за глаза окрестили «двадцатью восемью декорациями для двух господ». Чжоу Чи и Ху Имин, будучи признанными айдолами, по уровню популярности находились на недостижимой высоте по сравнению с остальными безвестными новичками.

И пускай Шао Жань позже сумел выбиться на третью строчку рейтингов за счет хорошей репутации и фанатского шипперинга с Чу Цинюнем, он не набирал и половины от показателей Чжоу Чи. С таким колоссальным отрывом эти двое привыкли к заискиванию со стороны коллег, но и спрос с них со стороны зрителей был несоизмеримо выше.

В обычных обстоятельствах Чжоу Чи не побоялся бы уступить. Более того, изрядная часть его преданных фанатов души в нем не чаяла именно за умение разыгрывать невинную жертву — этот прием он отточил до совершенства. Однако всего полчаса назад он уже потерпел поражение. Проиграй он сейчас еще раз, пусть даже в таком пустяке, и его раздутый авторитет на проекте лопнет как мыльный пузырь.

«К тому же проигравшие лишаются права претендовать на уже занятые роли, а все приличные варианты наверняка разобрали. И этот Чу Цинюнь...»

Записывая номер этого костюма, Чжоу Чи предвкушал, как растопчет соперника. Он хотел показать колеблющимся участникам и зрителям, у кого здесь настоящий талант, доказав, что внезапный успех Чу Цинюня — обычная случайность.

Он шел побеждать, а не выставять себя на посмешище под злорадным взором этого мерзавца!

Подавив kloкочущую ярость, Чжоу Чи натянул дежурную улыбку и шагнул вперед. Сводя и разводя носки, он благодаря былой хореографической подготовке в бойз-бэнде сумел вполне сносно исполнить «облачный шаг» и замереть в финальной позе, скопировав движения наставницы.

Присутствующие вежливо зааплодировали. Однако любой, кто хоть немного разбирался в искусстве, без труда заметил бы пропасть между его любительским кривлянием и выверенной пластикой Тан Цзиньи.

По правилам, именно наставница должна была объявить победителя. Но женщина, стоявшая посреди зала, заметно колебалась и не спешила с вердиктом.

— Эм, уважаемый наставник, не могли бы вы прокомментировать выступления? — мягко поторопил ее режиссер.

— Шаги Сяо Тана были абсолютно безупречны, — выдавила натянутую улыбку женщина и

поинтересовалась: — Скажи, а знаменитый столичный мастер Тан приходится тебе...

— Моим дедушкой, — изо всех сил стараясь сдержать волнение, ответил Тан Цзинъи.

Наставница уважительно закивала, затем коротко указала на промахи троих выбывших участников и, наконец, повернулась к Чжоу Чи.

— Чжоу Чи тоже справился замечательно... — протянула она, выжидающе глядя на айдола.

Вылететь на глазах у всех было унижительно, но разница в их подготовке так очевидна, что лучшим выходом для Чжоу Чи было бы благородно уступить дорогу профессионалу.

Однако тот упорно делал вид, что не замечает намеков:

— «Дворец вечной жизни» — один из моих самых любимых фильмов. Я пересматривал его бесчисленное множество раз с самого детства и всегда пытался повторять движения за героями.

Преподавательница на секунду замялась, но быстро подхватила предложенный предлог:

— Вот оно что! Теперь понятно. Я как раз хотела отметить, что для человека без профессиональной подготовки вы выступили просто поразительно. Главное — вам удалось передать сам дух, то благородное величие Ян-гуйфэй, которое читалось в вашем взгляде.

Тан Цзинъи, уже праздновавший в душе победу, ошеломленно застыл.

А наставница тем временем продолжала как ни в чем не бывало:

— В этом раунде побеждает Чжоу Чи. Да, у Сяо Тана движения точнее, но тебе, мальчик мой, не стоит слепо полагаться на одну лишь технику. Искусство требует не только выверенной формы, но и души.

Высокопарная тирада звучала на редкость фальшиво. Все присутствующие прекрасно поняли, что произошло, но никто не посмел возразить. Тан Цзинъи, тяжело и прерывисто дыша, лишь молча склонил голову в знак согласия. Остальные участники, включая его собственных друзей, послушно зааплодировали, подчиняясь негласному правилу.

Довольный режиссер поспешил объявить о переходе к следующему этапу. Естественно, он прекрасно видел несправедливость судейства. Вот только подписывая контракт с менеджером Чжоу Чи, Чжао И, продюсеры изначально пошли на ряд уступок. И портить отношения с главной звездой эфира из-за пустякового спора за роль — да еще и ради внука какого-то всеми забытого престарелого артиста — никто не собирался.

Все шло как по маслу. Точно так же, как раньше все дружно бойкотировали Чу Цинюня, сейчас съемочная площадка столь же единодушно проглотила этот фарс, делая вид, что так и должно быть.

Объектив камеры не мог передать всех тонкостей. Обычные зрители по ту сторону экранов не смыслили в хореографии оперы. Для них оба кандидата двигались примерно одинаково, но авторитетный педагог особо выделила «душевность» Чжоу Чи. В комментариях и фан-сообществах уже вовсю гремели победные салюты в честь их кумира.

Но не успел режиссер открыть рот, как тишину зала прорезал резкий, отчетливый голос.

— Простите, уважаемый наставник, — Чу Цинюнь лениво поднял руку. — Разве изначально условием конкурса не было сравнение техники облачного шага? С каких это пор критерием оценки вдруг стала душа?

<http://bllate.org/book/20480/2152058>